

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И КРОСС-КУЛЬТУРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 316.6

С. Я. Телегина

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ СУВЕРЕННОСТЬ ПОДРОСТКОВ, ПРОЖИВАЮЩИХ В РОДНОЙ И НЕРОДНОЙ КУЛЬТУРЕ*

Представлены результаты исследования уровня и содержания суверенности психологического пространства у подростков из трех культур — русских, еврейских и татарских. Основным методом исследования был опросник «Суверенность психологического пространства» (СПП) С. К. Нартовой-Бочавер. Выборку составили 219 подростков, ($M_{\text{возраст}} = 15$, $SD_{\text{возраст}} = 3$), проживающих в родной или неродной культуре. Была обнаружена статистически значимая взаимосвязь суверенности психологического пространства с конфликтом внешней и внутренней культуры человека, а также выявлены особенности психологического пространства для разных культурных сред. Выдвигаются предположения о факторах среды, которые могут оказывать влияние на состояние психологических границ человека. Библиогр. 13 назв. Ил. 2. Табл. 2.

Ключевые слова: суверенность психологического пространства, подростковый возраст, психологические границы, культурные особенности.

S. Ya. Telegina

THE SOVEREIGNTY OF PSYCHOLOGICAL SPACE AMONG TEENS LIVING IN NATIVE AND NON-NATIVE CULTURES

This article describes the research of the properties of the psychological sovereignty among Russian, Jewish and Tatar teens. The main tool used in the survey was the questionnaire Sovereignty of psychological space (SPS) by S. K. Nartova-Bochaver. We obtained and analyzed empirical data on a sample of 219 teenagers ($M_{\text{age}} = 15$, $SD_{\text{age}} = 3$). The most significant factor of the sovereignty differences between three ethnic groups was a conflict between internal and external culture in which teenagers grow up. Refs 13. Figs 2. Tables 2.

Keywords: the sovereignty of psychological space, adolescence, psychological boundaries, the cultural properties.

Телегина Станислава Ярославовна — аспирант, Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики, Российская Федерация, 101000, Москва, ул. Мясницкая, 20; ignas-fatui@rambler.ru

Telegina S. Ya. — Postgraduate, National Research University Higher School of Economics, 20, ul. Myasnitskaya, Moscow, 101000, Russian Federation; ignas-fatui@rambler.ru

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 16-06-00239.

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2016

Введение

В условиях глобализации, усиления межкультурного взаимодействия, развития интернациональных культурных проектов и семей, а также миграции из других стран остро стоит вопрос о сопровождении детей из разных этнических групп, живущих и обучающихся в других культурах. Для того чтобы психологи, помощники и специалисты психолого-педагогического сопровождения детей могли оказывать грамотную помощь, стоит изучить особенности культурных различий в развитии ребенка. Мы выбрали такой аспект, как суверенность психологического пространства, потому что, по нашему мнению, он более полно охватывает состояние личности и ее проблемы взаимодействия с окружающим миром [1]. Хотя роль динамики и состояния психологических границ исследовались применительно к межличностному взаимодействию вообще, до сих пор упускались из виду межкультурные аспекты этого феномена. Между тем при их высокой значимости именно границы позволяют делать выводы о рисках совместимости или несовместимости подростков, принадлежащих к разным культурам, о возможных поводах для конфликта в повседневной жизни. Исследование особенностей психологической суверенности исключительно актуально для всех видов социальной практики — профилактики этнических конфликтов между подростками, буллинга на национальной почве и других опасных явлений.

В данном исследовании мы рассматриваем этнопсихологический аспект суверенности психологического пространства. Этот аспект играет особую, актуальную роль в связи с текущими процессами. В наши дни мы сталкиваемся с масштабными процессами миграции, аккультурации и взаимодействием разных культур. Особенностью этих процессов является то, что люди, которые являются представителями разных культур, имеют свои этнокультурные и этнопсихологические особенности, через которые они строят свое общение, взаимодействие с другими и поведение в целом. Подобная специфика воздействует на организацию внутреннего мира индивида и его сознания и существенно отличается от представителей других этнокультур, что в дальнейшем будет актуализироваться, проявляться в общении и взаимодействии с другими, а также влиять на различие способа разрешения межличностных и внутриличностных конфликтов.

Психологическое пространство — важный личностный конструкт, отражающий в себе субъективно значимый фрагмент бытия личности, определяющий, как личность воспринимает мир, свою актуальную деятельность и налаживает связи с окружающими. Повседневная жизнь человека неотделима от его психологического пространства, равно как и все виды взаимодействия. Согласно теории С. К. Нартовой-Бочавер, психологическое пространство обладает следующими свойствами:

1. Человек воспринимает психологическое пространство как свое, созданное им самим и от этого представляющим для него ценность.
2. Человек имеет возможность контролировать и охранять все находящееся внутри его психологического пространства.
3. Пространство не рефлексивируется без возникновения проблемных ситуаций, человек не видит его со стороны, он в нем существует, делая его «прозрачным».
4. Целостность границ — важнейшая характеристика психологического пространства [2].

Ключевую роль в функционировании психологического пространства играет сохранность его границ, называемая суверенностью. Границы разделяют пространства разных людей, обеспечивают баланс их потребностей и осуществляют регулирующую функцию. Человек суверенный (с целостными границами) в состоянии отстоять свою личностную автономию, вследствие чего социальные и психологические процессы протекают более слаженно. Целостность границ психологического пространства определяет субъективное благополучие и продуктивность личности в различных сферах жизнедеятельности, в том числе и в общении [2]. Противоположный суверенности полюс, свидетельствующий о степени нарушения психологических границ личности, называется депривированностью и определяет множество неблагоприятных для развития и адаптации личности феноменов — отчужденность, виктимность, дисгармонию в близких отношениях. В настоящее время получены данные о том, что суверенность — это черта личности второго уровня (фасетка), которая развивается на протяжении детства до подросткового возраста, после чего начинает активно участвовать в самоорганизации личности во всех сферах ее бытия [3].

Несмотря на то что большое количество эмпирических данных свидетельствует о важной роли психологической суверенности в ходе взаимодействия разного рода — семейного, близких отношений и пр., к настоящему времени собрано крайне мало фактов о проявлении суверенности в поликультурном контексте. Так, данные сравнения российских, армянских и китайских подростков и представителей юношеского возраста говорят о том, что возрастная динамика развития суверенности, ее гендерные аспекты и содержание в значительной степени определены культурой [4, 5]. Вполне можно ожидать, что диспозиционная суверенность как феномен границ может изменяться при особых условиях внешней среды и внешней культуры, в которой человек живет или с которой сталкивается.

С. К. Нартова-Бочавер выделяет следующие шесть составляющих психологического пространства, по отношению к которым устанавливается суверенность: суверенность физического тела (СФТ), территории (СТ), вещей (СВ), привычек (СП), социальных связей (СС), ценностей (СЦ) [6]. Психологическое пространство личности прогрессирует и изменяется на протяжении всего онтогенеза человека, в каждый период жизни оно подвергается изменениям, в какие-то моменты более фундаментальным, в другие же менее заметным. На разных этапах жизни могут развиваться определенные компоненты психологического пространства больше, чем остальные.

Подростковый возраст выбран из-за своей сложности и фундаментальности. Это один из самых сложных возрастов: изменение социального статуса, физиологические изменения ведут за собой сложности адаптации и адекватного восприятия мира и самого себя [7].

Именно в старшем дошкольном возрасте и подростковом возрасте наиболее интенсивно происходит определение и становление границ психологического пространства подростка, несмотря на то что их изменения происходят в течении всей жизни [8, 9].

В подростковом возрасте человеку требуется чувство уверенности, защищенности, суверенности собственного «Я» и доверия к миру. В связи с этим изменяется

и его психологическое пространство, он уже по-иному видит свой мир. В это время наиболее интенсивно устанавливаются границы психологического пространства, происходит расширение самого пространства, увеличиваются параметры его заселенности [2], из-за вступления в новые области знания и реальной физической жизни подростком [9].

Обнаружение депривации личности в каком-либо аспекте жизни может помочь своевременно оказать психологическую помощь или провести адаптацию к сложившимся условиям. Подростковый возраст — это тот возраст, в котором у человека начинается формирование личности, вызревание важных личностных конструктов и накопление базовых ценностей, в этот период времени идет бурный процесс социализации, становления своей идентичности, мировоззрения и национального самосознания. В этот момент подростки являются наиболее уязвимыми и сенситивными к внешним проявлениям среды [10]. В поликультурных условиях обучения и аккультурации учащихся очень важно следить за процессами, которые происходят внутри личности. Изучение состояния внутреннего психологического пространства личности и его взаимосвязь с самоидентичностью поможет выявить актуальные проблемы в развитии подростка и состояния окружающей его среды.

В нашем исследовании мы намеренно выбрали представителей трех культур — русской, еврейской и татарской. Эти культуры в советском и постсоветском пространстве всегда были достаточно репрезентативны и потому имеют опыт взаимодействия. Однако в то же время есть существенные различия, связанные с ведущим типом религиозности, представлениями о семейной жизни, гендерном доминировании и т. д., что потенциально может способствовать возникновению межэтнического недопонимания или даже напряжения. Также эти культуры различаются по представленным в них ценностям, по теории Г. Хофстеде — по уровню индивидуализма, дистанции власти и маскулинности [11], что может оказать большое влияние на взаимодействие этих культур друг с другом. Таким образом, выбранные нами группы представляют три культуры с доминирующими мировыми религиями и разным содержанием повседневной жизненной философии.

Целью нашего исследования стало выявление особенностей содержания психологического пространства личности в трех культурах — русских, татар и евреев. Данные этнические группы выбраны из-за своей представленности в Москве, также для сравнения были включены выборки из других городов.

Гипотезы исследования: динамика и содержание психологической суверенности различны в зависимости от: 1) этнокультурной принадлежности, 2) возраста, 3) сочетания внешней и внутренней культуры подростков.

Процедура исследования

Выборку составили младшие подростки в возрасте 12–13 лет и старшие подростки 15–17 лет. Всего опрошено 219 испытуемых: 33 испытуемых из Латвии, которые причислили себя к русским, 112 испытуемых из гимназии № 1540 г. Москвы, из которых 74 причислили себя к русским, а 38 — к евреям; 49 испытуемых ГОУ СОШ № 228 г. Москвы и 25 испытуемых из Республики Татарстан, г. Набережные Челны, которые причислили себя к татарам. Исследование проводилось на базе

ГБОУ г. Москвы гимназии № 1540 с национальным (еврейским) компонентом, принадлежащей ей площадке 228 (бывшей ГОУ СОШ ОУ №228), 13-й средней школы г. Даугавпилс и МАОУ СОШ № 4 г. Набережные Челны [1].

Подросткам предлагали пройти тест «Суверенность психологического пространства» (СПП) С. К. Нартовой-Бочавер, состоящий из 80 вопросов и включающий шесть субшкал, отвечающих составляющим психологического пространства [12, 13]. На тест подросткам отводилось 20–30 минут. Каждый подросток в бланке ответа отмечал национальность, к которой он себя причисляет. Задавался вопрос в открытой форме: «Можешь ли ты с уверенностью назвать себя ...», в случае затруднений подросткам задавались наводящие вопросы: «А можно ли сказать, что у тебя несколько...? К какой бы ты сам себя отнес? Почему?». Решение об этноидентичности принималось на основе сопоставления ответов. Также респонденты указывали пол и возраст. После проведения тестирования и обработки сырых данных респонденты были поделены на несколько групп, различающихся по этническому компоненту: группа татарских подростков, проживающих на территории республики Татарстан, группа еврейских подростков, проживающих и обучающихся на территории города Москвы, и группа русских подростков, которые были отдельно подразделены на три группы по территориальному признаку: русские из Латвии, которые жили и обучались в рамках другой культуры, различной с внутренней; русские, обучающиеся в школе с этническим (еврейским) компонентом, как находящиеся в непосредственном контакте с другой культурой и с соблюдением иных традиций; и русские, обучающиеся в русской школе в рамках своей культуры.

Количественная обработка данных включала подсчет описательной статистики, непараметрических критериев и осуществлялась с использованием программы SPSS.

Результаты исследования и их обсуждение

Прежде всего была определена статистическая значимость различий между выборками респондентов (критерий U Манна—Уитни, $p < 0,05$) по показателям суверенности для разных возрастных групп. Поскольку исследование было направлено на изучение этнокультурной специфики динамики и содержания психологического пространства, то выборка была разделена на несколько групп по фактору этнической идентичности, которую сообщали сами испытуемые, а в дополнение были выделены группы по внешнему окружению — находящиеся в своей культуре как главенствующей или в чужой. Вся выборка была разделена на пять подгрупп: респонденты-татары, респонденты-евреи и три выборки респондентов-русских, из которых выделилась группа респондентов, имеющих связь с другой культурой, то есть обучающихся совместно с представителями другой культуры и перенимающих обычаи другой культуры; русские, не имеющие связи с другой культурой, и русские мигранты, проживающие в Латвии в условиях другой культуры. Мы сравнили все выделенные нами подгруппы между собой, чтобы увидеть различия между ними и дополнительно рассмотреть проблему контакта с другой культурой (является ли наличие контакта с представителями другой национальности фактором, влияющим на формирование суверенности психологического пространства).

Из полученных результатов, представленных в табл. 1 и 2, мы видим, что значительные изменения были выявлены между группами своей культуры и чужой культуры, независимо от ее принадлежности.

При сопоставлении групп респондентов с помощью критерия *U* Манна—Уитни были получены следующие результаты.

Мы обнаружили, что в младшем подростковом возрасте статистически значимых различий по национальному признаку между группами намного меньше, чем у старших подростков. Таким образом, были найдены статистически значимые различия в группах русских, обучающихся в рамках другой культуры, и татар по общему показателю СПП ($p < 0,05$), суверенности физического тела ($p < 0,05$), привычек ($p < 0,01$) и ценностей ($p < 0,05$); в группе русских в своей культуре и татар — по всем показателям, а также между группами евреев и татар — по суверенности физического тела ($p < 0,05$) и ценностей ($p < 0,05$).

Таблица 1. Взаимосвязь этноидентичности и суверенности психологического пространства у младших подростков, U-критерий Манна—Уитни

Выборки	Суверенность психологического пространства	Суверенность физического тела	Суверенность территории	Суверенность вещей	Суверенность привычек	Суверенность социальных связей	Суверенность ценностей
Русские в смешанной среде (46) — евреи (21)	129,000	171,500	123,500	146,000	139,000	145,000	176,500
Евреи (21) — татары (25)	121,000	110,500*	153,500	151,000	147,500	163,500	98,500*
Русские в смешанной среде (46) — татары (25)	147,000**	162,000**	158,000**	192,000*	164,500**	216,500	184,000**
Русские (24) — евреи (21)	81,500	101,500	104,000	104,500	88,500	84,500	111,500
Русские (24) — татары (25)	74,000**	83,000**	138,500	127,500*	99,500**	123,000*	91,000**
Русские (24) — русские в смешанной среде (46)	179,000	168,000	169,000	204,000	191,500	159,500	177,000

Примечание: связи, значимые на уровне * — $p < 0,05$; ** — $p < 0,01$.

На выборке старших подростков было обнаружено, что статистически значимых различий по национальному признаку между группами намного больше.

Полученные данные (см. табл. 1 и 2) показали, что статистически значимые различия существуют в большей степени не у групп, принадлежащих к разным национальностям, а между испытуемыми, находящимися в разных условиях, например в рамках своей или другой культуры. Таким образом, наиболее характерно различаются русские и русские подростки из Латвии, как находящиеся в рамках чужой культуры, но идентифицирующие себя не с окружающей их культурой, а с изначальной культурой. Также замечено, что статистически значимых различий

меньше между группами, которые пребывают в рамках чужой культуры, чем между представителями групп главенствующей культуры.

Таблица 2. Взаимосвязь этноидентичности и суверенности психологического пространства у старших подростков, U-критерий Манна-Уитни

Выборки	Суверенность психологического пространства	Суверенность физического тела	Суверенность территории	Суверенность вещей	Суверенность привычек	Суверенность социальных связей	Суверенность ценностей
Русские в смешанной среде (28) — евреи (17)	155,000	160,500	169,500	131,500	99,000*	122,000	152,500
Евреи (17) — русские из Латвии (33)	143,000	125,000*	198,500	76,500**	179,500	201,000	132,000*
Русские в смешанной среде (28) — русские из Латвии (33)	261,000**	220,500**	405,000	281,000**	318,500*	315,500*	253,500**
Евреи (17) — русские (25)	101,500	112,500	127,000	127,000	84,000	56,500**	111,500
Русские из Латвии (33) — русские (25)	165,500**	140,000**	296,000	164,500**	264,500	160,000**	199,500**
Русские в смешанной среде (28) — русские (25)	265,500	285,000	291,000	245,000	280,500	232,500	288,000

Примечание: связи, значимые на уровне * — $p < 0,05$; ** — $p < 0,01$.

Из табл. 1 видно, что различия между респондентами, причислившими себя к русским, обучающимся в среде с этническим (еврейским) компонентом (в смешанной среде), и к русским, обучающимся в обычной школе (без этнического компонента), не являются статистически значимыми, также нет значимых различий и между двумя группами русских и еврейских респондентов. Из табл. 2 следует, что в этих группах обнаружили различия по суверенности привычек ($p < 0,05$) для русских, обучающихся совместно с еврейскими подростками, и по шкале суверенности социальных связей ($p < 0,01$). Это можно связать с непривычностью для инокультурной группы внешней окружающей среды и сложностью в установлении межличностных контактов из-за различия культурных компонентов. В представленных ниже графиках (рис. 1, 2) заметен низкий показатель суверенности привычек для еврейских девушек, граничащий с нижним порогом нормы, а у юношей он находится ниже границы нормы. По общему показателю суверенности психологического пространства статистически выявлены различия у группы русских респондентов из Москвы и Латвии.

Также наибольшие статистически значимые различия показали группы, которые находятся в разном культурном пространстве. Таким образом, группы из Латвии и Татарстана показывают больше различий, чем группы из Москвы между собой. Но также можно увидеть, что при преобладании идентичности среды, не совпадающей с идентичностью индивида, эти различия уменьшаются, в то время как при совпадении — увеличиваются.

Младшие подростки

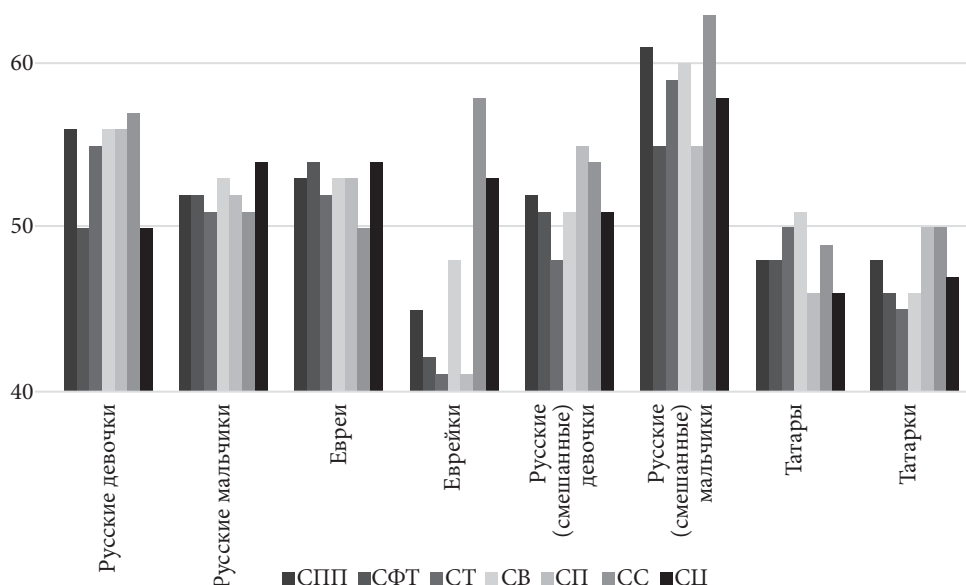

Рис. 1. График профиля суверенности психологического пространства в зависимости от идентичности респондента на выборке младших подростков.

Примечания: результаты показаны в виде Т-баллов, границы нормы располагаются от 40 до 60 баллов.

СПП — суверенность психологического пространства, СФТ — суверенность физического тела, СТ — суверенность территории, СВ — суверенность вещей, СП — суверенность привычек, СС — суверенность социальных связей, СЦ — суверенность ценностей

Мы представили наши данные на двух графиках (см. рис. 1, 2), которые показывают строение общего профиля суверенности психологического пространства и его компонентов в зависимости от пола, возраста и идентичности респондентов.

Профили всех групп респондентов, кроме русских из Латвии, находятся в рамках нормы. На рис. 1 и 2 наглядно изображены различия профилей у представителей разных этнических групп. Обобщая все вышеперечисленные результаты, можно отметить следующие закономерности. Есть статистически значимая зависимость уровня суверенности от конфликта внешней и внутренней культуры, которую несет человек. Профили групп, находящихся в рамках чужой культуры, находятся ниже, чем групп, находящихся в своей культуре. В наибольшей степени депривированы показатели суверенности социальных связей, привычек и ценностей у подростков, которые находятся в рамках чужой культуры. Таким образом, очевидно, что внешняя культура и ситуация, в которой находится человек, являются существенными факторами психологического пространства личности.

Показано также, что суверенность психологического пространства меняется в зависимости от возраста, пола и окружающей среды. У младших подростков меньше различий между культурами, чем у старших подростков. Для старших подростков (и мальчиков, и девочек), находящихся в рамках чужой культуры, очень важна тема соблюдения суверенности привычек (см. рис. 2). Возможно, это связано

Старшие подростки

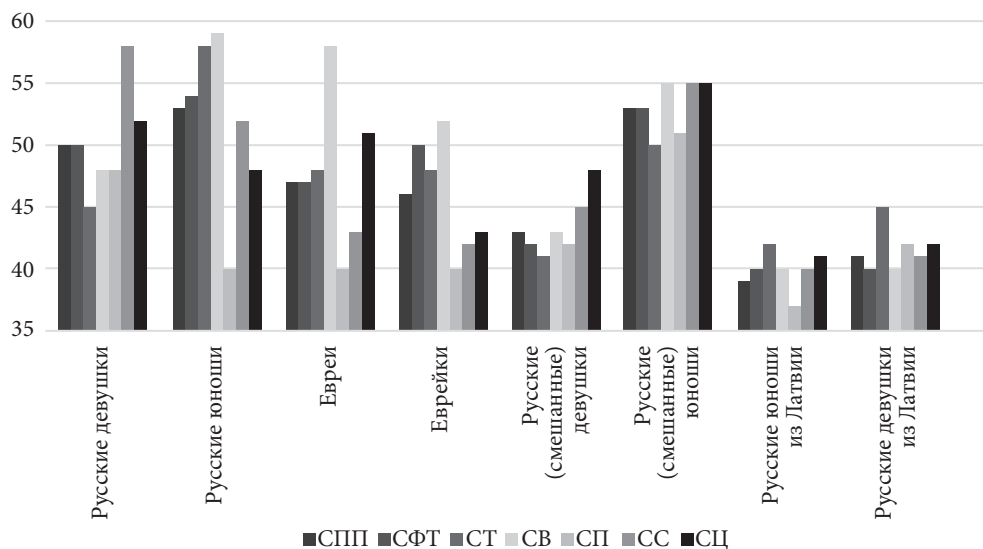

Рис. 2. График построения профиля суверенности психологического пространства в зависимости от идентичности респондента на выборке старших подростков.

Примечания: результаты показаны в виде Т-баллов, границы нормы располагаются от 40 до 60 баллов.

СПП — суверенность психологического пространства, СФТ — суверенность физического тела, СТ — суверенность территории, СВ — суверенность вещей, СП — суверенность привычек, СС — суверенность социальных связей, СЦ — суверенность ценностей

с тем, что в чужой культуре труднее контролировать пространственные компоненты, вследствие чего происходит депривация данной области. У всех испытуемых, находящихся в рамках чужой культуры, понижена суверенность социальных связей, что вполне естественно ввиду меньших возможностей выбирать себе круг общения. Также отмечаются низкие показатели по шкале суверенности ценностей у девушек и юношей, что свидетельствует о прессинге чуждой культуры на жизненную философию

Обнаружены также интересные факты о становлении суверенности, заданной полом респондентов. Графики демонстрируют наличие полового диморфизма на всех выборках испытуемых, что тоже может быть культурной особенностью, влияющей на становление суверенности психологического пространства.

Примечательно, что общая суверенность между испытуемыми мужского и женского пола в чужой культуре различается намного меньше, чем у испытуемых, находящихся в своей родной культуре, то есть они испытывают не только культурный прессинг, но и гендерный, в силу чего обнаруживается «схождение» показателей между полами.

Не только исходная культура, но также и способ отнесения себя к ней, связаны с уровнем суверенности. Респонденты, находящиеся в рамках чужой культуры, но при этом отождествляющие себя с ней, имеют более высокий показатель по уровню суверенности, чем те, кто продолжает отождествлять себя со своей

культурой. Респонденты, находящиеся в рамках чужой культуры или имеющие непосредственный контакт с ней, имеют по показателям суверенности меньше различий с другими инокультурными группами, находящимися также вне родной культуры, чем с группами, находящимися только в рамках своей родной культуры.

Заключение

Полученные результаты доказывают, что становление психологической суверенности обусловлено многими факторами: пол, возраст, территория, культура, в которой человек живет, и внутренняя культура самого индивида. Выдвинутые гипотезы частично подтвердились в данном исследовании: на динамику и содержание психологической суверенности воздействуют такие факторы, как сочетание внутренней и внешней культуры и возраст, частично подтвердилось наличие зависимости от этнокультурной принадлежности. Также в проведенном исследовании просматривается тенденция к этноспецифичному влиянию факторов среды для каждой группы, но данные результаты предполагается лучше рассмотреть в дальнейших исследованиях на большей выборке испытуемых и на большем числе выборок для выявления конкретных изменений становления психологической суверенности под влиянием этнокультурных факторов. Можно предположить, что субъективное восприятие окружающей культуры как более близкой или более чуждой также скажется на профиле психологической суверенности.

Была выявлена статистически значимая зависимость уровня депривации суверенности психологического пространства от конфликта внешней и внутренней культуры, которую несет человек. То есть подростки, которые причисляли себя к носителям иной культуры, имели более низкие показатели суверенности психологического пространства, чем подростки, относившие себя к культуре, сходной с окружающей. Конфликт внутренней и внешней культуры депривирует общее состояние личности человека. Также было замечено, что у младших подростков этих различий было выявлено намного меньше, чем у старших подростков. Это может говорить о том, что в младшем подростковом возрасте при становлении суверенности психологического пространства в целом и становлении личности индивида культурные процессы, влияющие на дальнейшее становление личности, еще не являются ведущими коррелятами поведения.

Также был статистически выявлен половой диморфизм на всех выборках испытуемых. Разница заключается в различиях уровня суверенности между девочками и мальчиками, что тоже может быть культурной особенностью, влияющей на становление суверенности психологического пространства. Это может свидетельствовать о наличии внешнего культурного прессинга со стороны главенствующей культуры, который может вызывать нивелирование гендерных различий у инокультурных групп. Также было выявлено, что гендерные различия были сильнее у групп, находящихся в рамках своей культуры, и нивелировались у групп, находящихся в рамках чужой культуры. Таким образом, были выявлены гендерные различия в суверенности территории, физического тела и социальных связей у старших подростков. У младших подростков гендерных различий по суверенности психологического пространства выявлено не было.

Культурные различия влияют на профиль суверенности психологического пространства человека, а также вносят свой вклад в становление этнокультурных и этнопсихологических особенностей, благодаря которым люди строят свое общение, мировоззрение, взаимодействие с другими и поведение в целом. По графикам, предоставленным в нашей работе, можно увидеть, что депривированы показатели социальных связей, привычек и ценностей у тех подростков, чья внутренняя культура не совпадает с внешней. Все полученные данные могут быть использованы в процессе разработки программ сопровождения адаптации подростков к иной культуре, а также в профилактической и просветительской работе с педагогами, родителями и социальными работниками.

Литература

1. Телегина С. Я. Особенности суверенности психологического пространства в разных культурах // Психология — наука будущего: матер. VI междунар. конф. молодых ученых «Психология — наука будущего» (19–20 ноября 2015 г., Москва) / под ред. А. Л. Журавлева, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во Ин-та психологии РАН, 2015. С. 456–459.
2. Дифференциальная психология. Хрестоматия: учеб. пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по психологическим специальностям / сост. С. К. Нартова-Бочавер. М.: Алвиан, 2008. 416 с.
3. Шкуратова И. П. Личность и ее жизненное пространство // Психология личности: учеб. пособие / под ред. П. Н. Ермакова и В. А. Лабунской. М.: ЭКСМО, 2007. С. 167–184.
4. Мартиросян К. В. Этноспецифичность суверенности психологического пространства личности // Современные. 2014. № 6. С. 1530.
5. Bardadymov V., Nartova-Bochaver S., Harutyunyan S., Khachatryan N., Wu. M. S., Zhou C., Yuan J., Hakobjanya A. Personal sovereignty in secondary school and university students from Armenia, China, and Russia // 16th European Conference on Personality Psychology, July 10–14 2012. Trieste: Book of abstracts, 2012. PO1-34. P. 180.
6. Нартова-Бочавер С. К. Психологическая суверенность и особенности межличностного общения // Социальная психология и общество. 2014. № 3. С. 42–50.
7. Агеев В. С. Социальная идентичность личности // Социальная психология: хрестоматия / под общ. ред. Е. П. Белинской, О. А. Тихомандрицкой. М.: Аспект Пресс, 2003. С. 349–356.
8. Нартова-Бочавер С. К. Развитие жизненного пространства ребенка в онтогенезе // Стратегия дошкольного образования в 21 веке: проблемы и перспективы: науч.-практ. конф., посвященная 80-летию со дня основания факультета дошкольной педагогики и психологии МПГУ (1921–2001 гг.). М.: Моск. пед. гос. ун-т, 2001. С. 280.
9. Белинская Е. П. Идентичность личности в условиях социальных изменений: автореф. дис. ... д-ра психол. наук. М., 2006. 479 с.
10. Драгунова Т. В. Психологические особенности подростка // Возрастная и педагогическая психология. М.: Просвещение. 1973. С. 101–141.
11. Geert Hofstede. Culture's Consequences: International Differences in Work-Related Values. Beverly Hills CA: Sage Publications, 1980. 475 p.
12. Нартова-Бочавер С. К. Новая версия опросника «Суверенность психологического пространства — 2010» // Психологический журнал. 2014. Т. 35, № 3. С. 105–119.
13. Валединская О. Р., Нартова-Бочавер С. К. Личное пространство человека и возможности его «измерения» // Психология зрелости и старения. 2002. № 2. С. 66–77.

Для цитирования: Телегина С. Я. Психологическая суверенность подростков, проживающих в родной и неродной культуре // Вестник СПбГУ. Серия 16. Психология. Педагогика. 2016. Вып. 4. С. 146–157. DOI: 10.21638/11701/spbu16.2016.412

References

1. Telegina S. Ia. Osobennosti suverenosti psikhologicheskogo prostranstva v raznykh kul'turakh [Properties of sovereignty of psychological space in different cultures]. *Psikhologiya — nauka budushchego: ma-*

ter. VI mezhdunar. konf. molodykh uchenykh «Psikhologiya — nauka budushchego». 19–20 noiabria 2015 g., Moskva [Psychology — the science of future: Materials of VI International conference of the young scientists «Psychology — the science of future». 19–20 of November 2015, Moscow]. Eds A. L. Zhuravlev, E. A. Sergienko. Moscow, Institute of psychology RAS, Publ., 2015, pp. 456–459. (In Russian)

2. *Differentsial'naya psikhologiya. Khrestomatiya: ucheb. posobie dlia studentov vysshikh uchebnykh zavedenii, obuchaiushchikhsia po psikhologicheskim spetsial'nostiam* [Differential psychology Chrestomathy: manual for high school students studying on the psychological specialties]. Compiler C. K. Nartova-Bochaver. Moscow, Alvian Publ., 2008. 416 p. (In Russian)

3. Shkuratova I. P. Lichnost' i ee zhiznennoe prostranstvo [The Individual and his live space]. *Psikhologiya lichnosti: ucheb. posobie* [Personal psychology. Study manual]. Eds P. N. Ermakov, V. A. Labunskaya. Moscow, EKSMO Publ., 2007, pp. 167–184. (In Russian)

4. Martirosian K. V. Etnospetsifichnost' suverenosti psikhologicheskogo prostranstva lichnosti [Ethnic specificity of the sovereignty of psychological space]. *Sovremennye*, 2014, no. 6. 1530 p. (In Russian)

5. Bardadyanov V., Nartova-Bochaver S., Harutyunyan S., Khachatryan N., Wu. M. S., Zhou C., Yuan J., Hakobjanya A. Personal sovereignty in secondary school and university students from Armenia, China, and Russia. *16th European Conference on Personality Psychology, July 10–14 2012*. Trieste, Book of abstracts Publ., 2012, PO1–34. P. 180.

6. Nartova-Bochaver C. K. Psikhologicheskaya suverenost' i osobennosti mezhluchnostnogo obshcheniia [Psychological sovereignty and properties of the interpersonal communication]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo* [Social psychology and society], 2014, no. 3, pp. 42–50. (In Russian)

7. Ageev B. C. Sotsial'naya identichnost' lichnosti [Social identity of the personality]. *Sotsial'naya psikhologiya: khrestomatiya* [Social psychology: chrestomathy]. Eds E. P. Belinskaya, O. A. Tihomandritskaya. Moscow, Aspekt Press, 2003, pp. 349–356. (In Russian)

8. Nartova-Bochaver S. K. Razvitiye zhiznennogo prostranstva rebenka v ontogeneze [The development of the children's live space in the ontogenesis]. *Strategiya doskol'nogo obrazovaniia v 21 veke: problemy i perspektivy: nauchno-prakticheskaya konferentsiya, posviashchennaya 80-letiiu so dnia osnovaniia fakul'teta doskol'noi pedagogiki i psikhologii MPGU (1921–2001 gg.)* [Strategy of the preschool education in 21 century: problems and perspectives of Research and Practice conference, devoted 80th anniversary of the founding of faculty of preschool pedagogy and psychology Moscow State Pedagogical University (1921–2001)]. Moscow, Moscow State Pedagogical University Publ., 2001. 280 p. (In Russian)

9. Belinskaya E. P. *Identichnost' lichnosti v usloviakh sotsial'nykh izmenenii*. Autoref. diss. dokt psikhol. nauk [The personal identity in social changes. Thesis of PhD]. Moscow, 2006. 479 p. (In Russian)

10. Dragunova T. V. Psikhologicheskie osobennosti podrostka [Psychological properties of the adolescent]. *Vozrastnaya i pedagogicheskaya psikhologiya* [Developmental and educational psychology]. Moscow: Prosveschenie Publ., 1973, pp. 101–141. (In Russian)

11. Geert Hofstede. *Culture's Consequences: International Differences in Work-Related Values*. Beverly Hills CA, Sage Publications, 1980. 475 p.

12. Nartova-Bochaver S. K. Novaia versiya oprosnika «Suverenost' psikhologicheskogo prostranstva — 2010» [A new version of the questionnaire "Sovereignty of Personal Psychological Space — 2010"]. *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological journal], 2014, vol. 35, no. 3, pp. 105–119. (In Russian)

13. Valedinskaya O. R., Nartova-Bochaver S. K. Lichnoe prostranstvo cheloveka i vozmozhnosti ego «izmereniia» [Personal space of the individual and opportunities in its "studies"]. *Psikhologiya zrelosti i stareniiia* [Psychology of the adulthood and aging], 2002, no. 2, pp. 60–77. (In Russian)

For citation: Telegina S. Ya. The Sovereignty of Psychological Space among Teens Living in Native and Non-native Cultures. *Vestnik SPbSU. Series 16. Psychology. Education*, 2016, issue 4, pp. 146–157. DOI: 10.21638/11701/spbu16.2016.412

Статья поступила в редакцию 6 февраля 2016 г.;
принята в печать 11 октября 2016 г.